

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ

Д. Н. Обыдённый

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 декабря 2014 г.

Аннотация: статья представляет собой попытку построения концептуального введения в проблематику философского дискурса об иррациональном. Первичным образом анализируются предварительные линии тематизации феномена иррационального в философской традиции, с преимущественной ориентацией на ее генезис в контексте античного философского мировидения.

Ключевые слова: иррациональное, разум, аффект, телеология, онтология, этика, материя.

Abstract: the article deals with the problem of irrationality seen in the context of the philosophical reflection. The main aim of the author is to make an introduction into the problem of irrationality and marks the main conceptual vectors of its conceptualization.

Key words: irrationality, reason, harmony, affect, ontology, matter, ethics.

Существует ли сейчас, в наш во многих аспектах смутный и не очевидный в своих сущностных чертах век, философия – это вопрос отнюдь не риторический, как может показаться. Номинально, бесспорно, существует. Можно даже сказать, что существует в том виде, в котором прежде не существовала и вовсе. Не искушенно, не предвзято изучив контекст современности в ее отношении к философии, можно увериться, что последний век пережил определенный философский бум, всплеск философской мысли, в который последняя достигла небывалого размаха, утонченной до филигранности рубрик и тематик специализации и концептуальной глубины. Количественно измеряя печатные листы философских произведений, вышедших из-под пера философов современности, исследователь, несомненно, обнаружит веские доказательства, позволяющие определить век двадцатый как период, в рамках которого философия вела вполне благополучное существование. Но так ли обстоит дело в сущности? Не ушла ли современная философия в большинстве своих ответвлений от искомой проблематики, некогда давшей импульс философствованию как не только и не столько особой сфере познания, сколько философствованию – определенному, фундаментальному способу человеческого бытия, проживания жизни.

На наш взгляд, большинство современных философских изысканий, в их содержательной наполненности и общей тенденции, возможно охарактеризовать как неосхоластизм в его самом общем виде (здесь мы берем схоластику не как специфическую тенденцию и период богословской мысли, но как «умствование», оторванное от «жизни»). Данная тенденция

имеет, как кажется, несколько причин, синкретично слитых в моменте ее порождения: это и общая усталость культуры от «любви к мудрости»; прагматизация и утилитаризация потребностей и интересов, а также предельная в своем апогее институционализация как философского, так и вообще гуманитарного знания, приведшая к выхолащиванию фундаментального творческого процесса из контекста философствования.

Удаленность современной философии от «жизни», превращение ее в сферу, по преимуществу спекулятивных изысканий, – это, пожалуй, основная ее черта. Но что такое «жизнь», от которой удалилась философия? Ответить на данный вопрос можно, указав на то, что, пожалуй, основной, грубейшей ошибкой мыслителей долгое время оставался и по сей день остается уход от проблем непосредственного человеческого существования, игнорирование очевидных и фундаментальных проблем, о которые «спотыкается» наше пребывание в этой реальности фактически ежесекундно. Мыслители зачастую избирают слишком крупный масштаб взгляда на вещи, оперируя понятиями и категориями, которые не имеют связи с реальностью, по сути, создавая некий особый «мир» философских конструкций, которые разрастаются с неимоверной скоростью. Мы словно боимся непредвзято и откровенно перед собой признаться, что основной проблемой философии является не проблема «субстанции», «познания», «истины» и т.д., а некая иная, куда более острая в своей остроте затрагивания нас проблема. Но даже и эти проблемы, пусть даже если они и поднимались в свое время, никогда не достигали определенной глубины. Даже когда философ, набравшись определенной смелости, начинает говорить о страдании, боли, ужасе, наполняющих этот мир и существование человека, он обходится слишком стилизованно с этими понятиями, придавая им некую возвышенную, а потому и отстраненную от непосредственного бытия концептуальную высоту. Говоря о страдании, следует упомянуть о том, что оно насчитывает сотни, если не тысячи оттенков и вариаций, словно некий изощренный и восторженный злой гений потратил на их продумывание и визуализацию эпохи вселенских масштабов, прежде чем придать им реальное существование. Мир наполняют тысячи видов боли, ужаса и отчаяния, на грани касания которых рассыпаются в пыль, до самого основания, воля, сознание, гордость и достоинство любого человека. Когда М. Хайдеггер, некогда произведший фурор в философии XX в. обращением к проблематике повседневного бытия, характеризует его как «заботу», он обходится с данной категорией весьма мягко и по-философски корректно. Подлинная «забота» есть не только и не столько, думы о будущем и временные «экстазы»; забота – это душераздирающий синтез унижения, морального насилия, тщетного труда, различных оттенков бытовых страхов и «плебейских» ухищрений, мотивированных зачастую настолько примитивными нуждами, что при поминании их притязательно мыслящего человека охватывает чувство брезгливости по отношению к самому себе. «Забота» – это жизнь в неочевидности дня сегодняшнего и в предвкушении ужаса дня завтрашнего, дня нашей смерти, предваренного для большинства мучением и отча-

янием в неизведанности грядущего и боли настоящего. Осмотревшись вокруг мы с недоумением заметим, что жизнь большинства сущностно исковеркана теми или иными обстоятельствами, случайностями, либо предпосылками их существования, наличествующими уже с рождения.

Сказанное выше, пожалуй, в целом не добавляет ничего нового в отношении к старой формуле «мир лежит во зле», «жизнь есть страдание», но лишь конкретизирует, разворачивает указанные реалии в их оттапливающих подробностях, приближая их к нашему мысленному взору. Зло и страдание в их фундаментальной перспективе изначально существовали в качестве исходной, даже главенствующей темы философии. Философия, как умудренное видение мира, как определенное «умовидение» всегда подчеркивала наличие определенного изъяна, нарушения в структуре бытия, который «мудрость» была призвана осмыслить и способствовать тому, чтобы человек смог существовать избегая действия и проявлений этого онтологического нарушения. Скажем прямее и ближе к исходной теме, – философия в ее изначальной интенции всегда имела дело с иррациональным.

В рамках данной работы, служащей кратким введением в проблематику иррационального, остановимся на самом факте обнаружения иррационального философией, его концептуального закрепления и фиксации.

Традиционно тему иррационального видят в качестве прерогативы «философии жизни», либо «философии», лежащей в основе теории психоанализа. Такое замечание вполне справедливо, но лишь отчасти, поскольку тематизация иррационального, проходящая сквозь канву мирового философского процесса, начиналась и подвергалась серьезной проработке уже в русле античной философии. По сути своей античная философская мысль в своей направленности всегда была некоей доктриной, излагающей определенную прагматику овладения, совладания с иррациональным. Прежде чем коснуться данного вопроса, остановимся кратко на предварительной дефиниции иррационального как такового.

Совершенно очевидно, что истоки данной терминологии лежат в контексте фундаментального различения, своеобразной бинарной оппозиции рационального (разумного) и иррационального (неразумного), лежащей где-то в глубинах самой первичной попытки философской рефлексии. Следует сразу же отметить, что указанные выше дефиниции контекстуально тесно связаны с понятием сверхрационального (сверхразумного), которое хронологически возникает и прочно входит в состав терминологического корпуса философии в процессе формирования богословской традиции средних веков.

Иррациональное как концептуальный антагонист рационального сущностно выступает в аспекте нарушения всякой возможной рациональности, однако этим отнюдь не исчерпывается. Иррациональное всегда несет в себе типический акцент «темного», «злого», «деструктивного» в своей смысловой наполненности. Немного легче определить ир-

рациональное как неразумное, возвращаясь к уже упомянутой нами античной философии, колыбели европейского мудрствования. Если постараться тематически зафиксировать, что для философствующих греков означалось понятием разум, то здесь мы обнаруживаем, что данное понятие имеет несколько основных значений, которые в дальнейшем предопределяют трактовку разумности на долгие века философствования. Во-первых, разум – это определенная способность понятийно-категориального мышления и познания, соответственно. Во-вторых, разум представляет собой определенное упорядочивающее начало, играющее важнейшую роль в системе этического и эстетического существования человека. Характерным выражением указанной тематизации разумного начала выступает образ разума, ума, как возничего, управляющего упряжкой лошадей, олицетворяющих собой чувственные страсти и аффекты человека, который Платон приводит в диалоге «Федр». Порядок определения указанных терминологических различий здесь не играет определяющей роли, так как для греков скорее именно философский «праксис» являлся приоритетной сферой по сравнению с «теорией». И в конечном итоге разум осмысливался онтологически, как космическое организующее начало, придающее существу закономерность, целесообразность и устойчивость. Вероятно, так в самом общем виде можно обрисовать концептуализацию разумного в античной мысли, от которой в конечном счете производна вся последующая традиция.

Теперь, выявив некоторые самые общие черты и характеристики рационального на материале античной философии, становится возможным коснуться сущности иррационального как начала, противоположного разумности, понятой в широком смысле. Коль скоро нам удалось выявить три основных аспекта рационального, то вполне логичным и обоснованным является сопоставление им и трех типов иррационального. Таким образом, в первом случае иррациональное – это сфера единичных, чувственно воспринимаемых вещей, дискретность материального мира, его динамический, изменчивый характер. Единичное иррационально, а общее, наоборот, рационально в гносеологическом аспекте. Но всегда ли выполняется строгость данного критерия? Что, если единичное тождественно общему? Как быть в таком случае? Либо единичное в некоторой степени подобно общему. Можем ли мы говорить о степени иррациональности некоторого сущего в гносеологическом аспекте его осмысления? Для греческой философии таким, принципиально иррациональным компонентом любого чувственно воспринимаемого сущего, являлась материя, понятая как нечто близкое по своим характеристикам к «ничто», к тому, что не фиксируется разумом принципиально. Но если материя – это «ничто», то каким образом что-то материальное может существовать? В таком случае все материальное есть относительное «нечто», равно как относительное «ничто». Рассуждая таким образом мы рискуем впасть в спекулятивно-диалектическое конструирование, подобное платоновским диалогам либо гегелевской «Науке логики», тем более что подобные идеи встречаются на страницах их произведений и совершенно

не представляют какой-либо новизны. Тем более ничто – это отнюдь не только спекулятивно-философская категория и тематика для игр и упражнений ума. Ничто – это знакомая всем, так называемая «душевная пустота», фундаментальное молчание серых губ покойника, ведь в человеческом измерении существования смерть как таковая и есть молчание некогда говорившего, которое больше никогда не прервется его словом, безмолвие бессловесности, радикальная немота, невозможность сигнала либо подачи знака. И, вероятно, на миг гипотетически вообразим себе это, позволим фантазии вклиниться в нить рассуждения, – если существует некое потустороннее, загробное, внемирное пристанище «сознаний» ранее бывших «здесь», одним из самых сильных мучений для них является то, что мы их не слышим. Философия никогда серьезно не касается подобных тем, деликатно обходя их, хотя в кантовском «что я должен делать» и «на что могу надеяться» сквозит вопрошающий вопль и крик отчаяния, подобный воплям библейского Иова. Сторонники сциентизма зачастую критикуют философию за ее ненаучный, по их мнению, характер, приводя в пример точность и экспериментальную доказанность, выверенность естественнонаучного дискурса. Но, проводя параллели здесь между философией и естествознанием, между онтологией вещи в философской метафизике и онтологией физики, мы можем задаться вопросом, а что такое материя на уровне, где масштаб рассмотрения меньше планковской величины, – значит ли это, что в конечном итоге и естествознание признает материю иррациональной. Бесспорно, наука дала человечеству значительное ускорение технологического прогресса, но не стоит переворачивать данный факт с ног на голову, утверждая, что научная мысль преуспела по сравнению с философской в знании, что такое вещи в их предельной сути, полностью устранив иррациональный компонент из последних.

Обращаясь ко второй трактовке разумного, а соответственно, и иррационального как его противоположности, обнаруженных нами в античной философии, следует отметить, что указанная тема является, наверное, не только весьма актуальной, но и наиболее злободневной и мучительной в плане человеческой жизни. Не растекаясь мыслью по древу, сразу же конкретизируем поднятую проблему, проблему аффектов, душевной, психической жизни. Едва обратившись практически ко всем некогда и впредь бытовавшим мировоззренческим доктринам этического характера, мы везде встречаем одно важное типическое сходство – эмоциональная, психическая жизнь человека с ее аффектами, страстями, желаниями фактически всегда рассматривается как одно из главных зол, лежащих в структуре сущностной конституции человека. Способность аффективной сферы человеческого существа «затмевать» разум, помноженная на необратимость времени, представляют наиболее существенную угрозу бытию человека. Проблема взаимосвязи психики и разума, душевного и рационального – пожалуй, наиболее сложная проблема не только философии, но и психиатрии. Способность психической сферы подчинять себе разум, игнорировать его доводы значительно

деструктурирует жизнь человека. Зачастую, лишь на мгновение поддавшись зову чувств, человек порождает в конечном итоге трагическую для себя причинно-следственную связь событий, совершает ужасающие своей изощренностью преступления, попирает вековые устои нравственности и человеколюбия. Раскаяние, приходящее как акт разума, осознающего тяжесть содеянного в силу необратимости хода времени, в большинстве случаев не способно изменить реальные последствия, вызванные тем или иным негативным аффектом. Античная «апатия» и христианское «бесстрастие» в сути своей идентичный идеал, увиденный на уровне жизненной прагматики, хотя, бесспорно, гуманистический пафос наиболее акцентуированно выражен именно в христианстве при условии, что мы не забываем о том, что идеалом христианина в предельном смысле этого слова является уединенный аскет-одинок. В аспекте человеческого этоса, в сфере аффективно-психического бытия, иррациональное есть сила, действующая автономно по отношению к разуму человека, увиденному как упорядочивающее начало его повседневного личного и социального праксиса. Значительный вклад в разработку проблемы иррационального применительно к психической жизни индивида внесли не только З. Фрейд и К. Г. Юнг, работы и идеи которых современная культура существенно популяризировала. Значительный вклад здесь принадлежит представителям богословской традиции, в особенности творцам аскетической направленности. Также существенное влияние на указанную проблематику оказали представители «философии жизни» и экзистенциализма. Рассмотрение идей указанных традиций отнесем в будущее в качестве самостоятельного исследования. Следует отметить, что совершенно не исследованной с позиции философии является тема преступления как экзистенциального и социального феномена, которую серьезно, пожалуй, затронул лишь Ф. М. Достоевский. Но здесь мы ограничимся, придерживаясь плана исследования, лишь наиболее общей концептуализацией иррационального как аффективной сферы человеческой жизни, руководствуясь своей собственной, для разума темной, природой.

Обращаясь к последнему концептуальному сюжету, определяющему разум в качестве всеобщепонтологического начала, отметим, что в таком качестве он связывался прежде всего с понятиями целесообразности (телеологии), законосообразности и устойчивости. В таком случае иррациональное будет выступать фактически антонимом к указанным терминам. Если мы ведем речь о телеологии, то здесь иррациональное будет означать определенную степень неосуществленности некоей цели, ее неполную реализацию либо отсутствие таковой вообще. Существует ли нечто бесцельное в принципе – это вопрос открытый и требующий куда более тщательного рассмотрения, нежели объем данной работы. Здесь ограничимся лишь предварительным разбором частичной реализации цели. С точки зрения естественной познавательной установки цель представляет собой достижение существом, объектом определенного качественного и количественного функционального предела, после которого дан-

ный предмет либо становится бесцельным (данное понятие, как указано выше, здесь рассматривать не станем), либо реализует свою цель полностью. Понятие цели достаточно сложное и эклектичное и в зависимости от контекста может быть рассмотрено с различных позиций. Очевидно, что погибшее молодое растение, детеныш животного, человек, умерший в раннем возрасте, не есть исполнившаяся полностью цель. Таким образом, иррациональное есть прерывание целевой реализации чего-либо, неполное развертывание предела сущностных возможностей. Вообще следует отметить, что понятие цели весьма проблематично анализировать в объективном ключе, поскольку оно достаточно сильно нагружено в ценностном аспекте. Есть ли понятие «цель» представление о должностовании, соображение об определенном «должном» положении вещей, либо, наоборот, его можно брать в предельно объективированном смысле. Возможно ли постулирование абсолютных ценностей, а соответственно, и абсолютных целей, коль скоро последние возможно рассматривать как ценности в основе своей. Здесь проблематичен вопрос критериев, выбора мировоззренческой системы. Избранные Богом библейские персонажи уходили из жизни «насытившись днями», с этой точки зрения нарушение этого принципа будет представлять иррациональное событие, проявление иррационального, а равно и нарушение определенной установленной законосообразности. Здесь мы вплотную подходим к проблеме онтологических моделей иррационального, к онтологии иррационального как такового. Но это уже тема иного исследования.

Воронежский государственный университет

Обыденный Д. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: philosclub@yandex.ru

Tel.: 8 (920) 445-87-77

Voronezh State University

Obydenny D. N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: philosclub@yandex.ru

Tel.: 8 (920) 445-87-77